

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 322

ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. А. Вилков, Ю. В. Зевако

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@mail.ru, milirita@rambler.ru

В данной статье авторы проводят комплексный анализ используемых властью технологий общегражданской российской идентичности в условиях переходного периода с учетом его преемственности и противоречивости. С точки зрения эффективности рассматриваются инструменты социализации, образования, религии и политики символов в процессе формирования единой политической идентичности россиян.

Ключевые слова: политическая идентичность, технологии формирования, национальная политика.

Technologies of Formation of Political Identity in Modern Russia

A. A. Vilkov, Y. V. Zevako

This paper the authors conducted a comprehensive analysis of the power of technology used by civic Russian identity during the transition period in view of its continuity and contradictions. In terms of efficiency are considered tools of socialization, education, religion and politics in the process of character formation of a unified political identity of Russians.

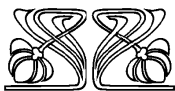
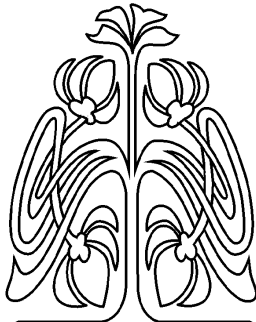
Key words: political identity, technologies of formation, national policy.

В статье предпринята попытка рассмотреть некоторые технологии и механизмы, используемые в современной России для формирования надэтнической российской общегражданской политической идентичности «россияне»/«российская нация»¹, проанализировать модификации и трансформации данных технологий становления политической идентичности в сравнении с имперским и советским периодами², определить факторы и причины неудач в построении современными политическими элитами консолидирующей политической идентичности.

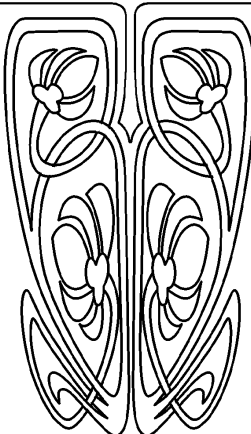
В условиях поиска современной Россией новой модели «внутренней геополитики»³, обеспечивающей эффективное «управление многообразием» поликультурного, многоконфессионального и этнически неоднородного государства, многие исследователи отмечают отсыл современных практик в конструировании надэтнической политической идентичности к советскому опыту, в том числе процесса «дискурсивного производства и распространения “общероссийской идентичности”... к опыту советской партийной пропаганды»⁴ с целью формирования «российского» человека.

Принципиальными являются ответы на вопросы: заимствуя форму – отдельные технологии и механизмы, апробированные в советское время, – каким качественным содержанием современные российские власти её наполняют, насколько способны вновь выстроить эффективный технологический комплекс и что может препятствовать реализации данного процесса?

Как и в предыдущие периоды, одной из наиболее важных сфер для формирования политической надэтнической идентичности стала сфера символического. В 1990-е гг., с распадом Советского Союза и начавшимся «парадом суверенитетов», «возрождением этничности» и религиозности, то есть постепенно институализирующимися различиями в сфере территориального, политического устройства и культурного

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

самоопределения, монополия центральной власти на формирование, презентацию и интерпретацию единой государственной символической сферы была подорвана и представляла собой противоречивую мозаику. Особенно ярко это проявилось в отношении истории, которая из своеобразного ресурса государственной консолидации превратилась в ресурс политического и регионального партикуляризма.

С другой стороны, 1990-е гг. стали своеобразной точкой бифуркации для символического самоопределения государства и общества, возможности выбрать наиболее подходящий «исторический/политический проект», историческое видение для достижения актуальных политических задач.

Важно отметить, что, несмотря на открывшиеся возможности социальной эволюции, усложнение социального и политического порядка до гражданского общества и правового государства со взаимной ответственностью, активностью и инициативностью, угроза дезинтеграции страны и экономические потрясения 1990-х гг., напротив, привели к архаизации политического сознания как рядовых граждан, так и политических элит.

Как отмечает Л. Гудков, «разрушение целостности институциональной системы советского типа не стало предпосылкой дальнейшего усложнения (структурно-функциональной дифференциации) социума, т. е. развития общества, а привело к редукции сложности – упрощению политической подсистемы и, тем самым, стерилизации потенциала других подсистем общества, более динамичных, поскольку их развитие обусловлено интересами массы людей и построено на других механизмах (обмена, доверия, кооперации). В результате мы имеем дело с выходом на поверхность архаических пластов культуры, крайне примитивных представлений о власти, человеке и обществе, соответствующих фазе патримониально-бюрократической организации общества со всеми рудиментарными представлениями о населении как пассивном ресурсе “героической” власти, т. е. как о ничем не связанном или не ограниченном произволе»⁵.

Подобная обоюдная редукция представлений о власти способствовала возможности вновь монополизировать символическую сферу и использовать её потенциал для конструирования новой политической идентичности – «русской нации».

С теоретической точки зрения, формирование трансверсальной надэтнической политической идентичности⁶ на индивидуальном и коллективном уровнях⁷ предполагает планомерную «включаемость индивида в социальность»⁸ посредством политической социализации как существенного компонента общей социализации индивида с помощью специальных агентов – семьи, системы образования, общественных и политических институтов (организаций), церкви, СМИ и т. д.

Кроме того, в зависимости от субъекта (кто/что именно обладает более высокой эффективностью в социализации – государство или общество) выделяют два «потока социализации»: 1) *генерализованный (обобщённый) поток социализации* (конформистская и консервативная ориентация на правящий режим) и 2) *сосязательные потоки социализации* (предполагающие активность различных социальных групп влиять на личность и способы её включения в политику)⁹; с точки зрения подходов в теории политической социализации – *идеологизированную (целенаправленную) и деидеологизированную (стихийную) политическую социализацию*¹⁰.

М. В. Руткаускайте подчёркивает, что в 1990-е гг. государство выпустило из виду процесс политической социализации, «система направленной политической социализации была полностью разрушена... и агенты политической социализации стали хаотично наполняться стихийными компонентами, в результате чего... поколение молодежи не приобрело необходимых навыков политической идентификации и, соответственно, имеет “нулевую” политическую идентичность»¹¹. В рамках концептуализации «третьей волны» скорее следовало бы говорить не о «нулевой», а о кризисной идентичности (в условиях общего кризиса государства как института и, соответственно, политической идентичности как соотношения человеком себя с политической нацией-согражданством); современные российские социологи трактуют её как «негативную идентичность»¹². Данные процессы стали возможны в связи с «аннулированием» «советского» содержания технологии «направленной социализации» и приостановки функционирования данной технологии как таковой («целенаправленность» превратилась в «стихийность»).

Ситуация резко изменилась в 2000-е гг., когда у власти появилось понимание необходимости возобновления функционирования технологии «направленной социализации», введения в действие её «производственных мощностей»: были приняты приоритетные программы на долгую перспективу, где наиболее ответственная роль в осуществлении политической социализации была отведена системе образования. В России начался довольно осмысленный процесс формирования исторических трактовок на государственном уровне, в котором государство взяло на себя ответственность за сферу образования и стало играть в ней активную роль.

Поскольку, как отмечает Г. Люббе, «идентичность субъектов (в т. ч. политическая идентичность как идентичность нации в любом её понимании. – *Авт.*) может быть изображена только с помощью их историй, поскольку эта идентичность, какова она сегодня, всегда содержит больше того, что можно понять из анализа условий настоящего времени»¹³, стало быть, одновременно с укреплением Центра, приведением законодательств

субъектов РФ в соответствии с Конституцией РФ, уменьшением полномочий глав субъектов Федерации и введением института полномочных представителей президента для контроля за действиями региональных элит началась кампания по стандартизации школьного исторического образования и унификации содержания соответствующих школьных учебников, а затем – через апелляцию к символическому полю истории – некоторые пропагандистские попытки выстраивания нового конструкта политической надэтнической идентичности современной России.

Так, к 2005 г. были приняты и воплощены в жизнь Национальная доктрина образования в Российской Федерации на 2000–2005 гг., Федеральная целевая программа «Развитие единой образовательной информационной среды на 2001–2005 гг.» и Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы». Процесс централизации отбора и выработки нового официального списка рекомендованных и допущенных учебников был завершён во время первого президентства В. В. Путина¹⁴. Одновременно с начала 2000-х гг. активизировался пропагандистско-идеологический дискурс – поиск объединительной идеи, которая бы сплотила водно-едино российскую политическую нацию¹⁵.

Таким образом, вновь (как в советское время) обозначился переход к идеологизированной (направленной) политической социализации по типу генерализованного (обобщённого) потока. Была вновь запущена технология направленной социализации, цель которой можно сформулировать, исходя из вышеобозначенных определений: в первом приближении – формирование лояльности людей к правящему режиму, усвоение ими ценностей господствующей политической культуры и идеологии, ценностей и политических стереотипов господствующего класса; во втором приближении – постепенное формирование в обществе надэтнической общегражданской политической идентичности – «российской нации».

Соответственно, основным механизмом технологии направленной социализации, как и в Российской империи, и в Советском Союзе, стал механизм русификации, приобретший в новый исторический период новые коннотации: применительно к современной России данный механизм будет точнее назвать механизмом «россиефикации», чтобы уйти от современных узконационалистических трактовок прежнего понятия. Однако, принимая в расчёт тот момент, что сегодня «русское», как и в предыдущие исторические периоды, ассоциируется с принадлежностью к России в целом, своими государствоцентричными смыслами и ориентациями, несмотря на разницу в названиях, по форме и по содержанию механизм «россиефикации» во многом является калькой механизма «русификации».

Основными инструментами механизма «россиефикации» как «совокупности подвижно со-

единённых частей», которые под «действием прикладываемых [властью] сил совершают заданные движения», являются такие агенты социализации, как государственные институты (система образования, пропаганда, армия, в настоящее время – церковь и т. п.) и средства массовой информации.

Рассмотрим некоторые сюжеты с точки зрения социальной инженерии и формирования политической идентичности более подробно.

Главный вопрос пути овладения символической сферой, направленной в прошлое, в историю, – «Кто держатель времени?». Л. Гудков подчёркивает, что «“хозяевами времени” могут быть только те, кому принадлежит действительность, т. е. у кого право господства, право управления собой и другими... [именно они] определяют структуру социального времени, в которой можно выделить две основные инстанции, фиксирующие пределы свободы в обществе: 1) государственное время, принудительно назначаемое и поддерживаемое государственными ведомствами с помощью как учреждений насилия, так и социальных конвенций, “объективное” время, и 2) субъективное время индивида, планирующего свою жизнь, располагающего собственными ресурсами упорядочения жизни и порядком предпочтения тех или иных своих действий и занятий...»¹⁶

Подобный взгляд также подводит нас к тезису, что если «параметры социального времени»¹⁷ заметно изменились за последние 20 лет, то «культурное время» – система записей и согласований ритмов социального поведения, представлений о различных типах времени, характере и направленности социальных процессов, историческом прошлом, воображаемом – желаемом или нежелаемом, но... планируемом – будущем по-прежнему находится в подчинении государственным структурам и зависимым от них группам (школа, армия, пропаганда и т. д.)»¹⁸.

Д. Г. Горин также отмечает, что «острая необходимость легитимации настоящего времени в (пост)современной России порождает весьма своеобразное стремление к овладению [историческим] временем»¹⁹.

Г. Зверева, рассматривая историософский дискурс постсоветского времени, попыталась проследить выкристаллизовывание той модели национально-государственной истории, которая легла в основу учебной литературы для средней и высшей школы и, соответственно, в процессе социализации должна формулировать и формировать политическую идентичность граждан.

Исследовательница подчёркивает, что «направления общественных споров в значительной степени определяются идеологическими задачами создания *российской идентичности* на основе конструирования “нашего прошлого” как пространства общезначимых мест коллективной памяти». Соответственно, «государственные запросы, обращенные к историкам-профессионалам, обуславливаются, в первую очередь, задачей

авторитетного обоснования преемственности современной Российской Федерации с предшествующей многовековой историей Российского государства, то есть подтверждения *настоящего* аргументами *исторического прошлого*»²⁰.

Материал, далее представленный Г. Зверевой, заставляет нас обратить внимание на следующее противоречие в действиях властей: с одной стороны, «в образовательной практике высшей и средней школы, равно как и в научно-учебной исторической литературе, сохраняется привычная доминанта монолитного изображения российской истории, ... в которой как специфическая телесная целостность вырастает антропоморфная фигура Государства Российского (Руси – России – Российской Империи – Советской России – Новой России)», но в условиях кризиса государства как института, активизации этнических и религиозных идентичностей и поддержки государством в основных документах по национальной политике мультикультуралистской доктрины вполне естественно, что «историографическая приверженность “имперской традиции” нередко стимулирует негативистские реакции в локальных сообществах российских регионов и провоцирует в них националистические настроения (например, Татарстан)»²¹.

Кроме того, утверждение в учебной литературе «вневременного отождествления российской цивилизации и Российского государства, обоснование с помощью этого тождества перманентной подвижности исторических государственных границ, основанное на эссенциалистском культурно-цивилизационном измерении истории российской государственности, то есть на основе примордиалистского, эволюционистского истолкования базовых понятий народ, этнос, нация, идентичность»²², подталкивает, поощряет и оправдывает стремление представителей других народов России показывать свою историю с подобных позиций, также подчёркивая свою «уникальность, самобытность, особость, величие» и пр.

Таким образом, власти, стремясь сформировать новую надэтническую политическую идентичность, сплачивающую все разнородные группы современной России, – «российскую нацию», вместо внедрения в систему исторического образования, особенно в звене средних школ, современных представлений о нациях как политических образованиях, основанных на согражданстве, «в большинстве учебных текстов по российской истории [оставляют] установки и схемы, которые мало согласуются с современными предложениями... и отличаются явным усилением этноцентризма – исследовательского подхода, для которого характерны сочувственная фиксация черт своей этнической группы, вплоть до выделения этнонационального фактора в качестве основного критерия исторического сознания»²³.

Такая рассогласованность декларируемых целей и реальных действий не способствует будущему сплочению народов России и формирова-

нию объединяющей политической идентичности. Механизм, одновременно получающий разные команды, не может эффективно работать.

Впрочем, проведённый Г. Зверевой анализ учебных текстов позволяет исследовательнице обозначить их иную «реальную цель»: «Выстраивать семантическое пространство коллективной памяти вокруг концепта *власти* и репродуцировать идеи *народно-государственного* единения на базе культурно-исторической *самобытности*»²⁴.

К подобному выводу приходят Е. М. Левинтова и Дж. Баттерфилд, сравнивая учебники по истории Новейшего времени с точки зрения освещения периода правления Б. Ельцина и В. Путина (в первые два срока)²⁵. Исследователи подчёркивают, что учебники и учебные планы выступают в качестве «национальных версий исторических событий», и «историческая память» в этом случае состоит в том, чтобы транслировать «политическую повестку дня, которая содержала бы конкретную похвалу достоинствам нации... или действующего правительства»²⁶. Поскольку в России «держателем времени» до сих пор является государство, в нашем случае речь, безусловно, идёт о «похвале достоинствам действующего правительства».

Анализ учебной литературы позволил Е. М. Левинтовой и Дж. Баттерфилду прийти к следующим заключениям: 1) более важным в преподавании российской истории сегодня является не борьба различных точек зрения, а желание представить единую официально одобренную версию новейшей отечественной истории; 2) в связи с этим наблюдается очевидное сходство в том, как они сравнивают «ельцинское» правление с «путинским» – постперестроечный этап предстаёт как очень неоднозначное десятилетие, в котором были нечастые прорывы, но частые провалы, то есть негативно, в то время как период президентства В. В. Путина (2000–2008 гг.) описывается исключительно в хвалебных тонах, а сам В. В. Путин – как «энергичный, молодежавый, подтянутый, компетентный, прагматичный, умный, решительный и тяготеющий к политическому центру, одним словом, как невероятно популярный лидер» (хотя и упоминаются в качестве небольших частных деталей в большом потоке весьма лестных пассажей об этом периоде некоторые остающиеся проблемы, которое правительство так и не смогло решить)²⁷.

Исследователи отмечают, что «так как учебники истории являются одним из универсальных факторов политической социализации, через которую проходят все российские школьники, их содержание во многом предопределяет политические воззрения современной российской молодежи». Проведённые ими опросы среди членов таких молодёжных организаций, как «Россия Молодая», «Наши», «Молодая Гвардия» (то есть организаций, ангажированных властью), позволяют с известной долей условности констатировать, что на данный момент устойчивая официальная

интерпретация 1990-х гг. уже сформировалась, и нестандартные трактовки либо исчезли из более поздних изданий, либо исчезли сами учебники, их содержащие²⁸.

Беспокойство вызывает не столько то, что содержание учебников по отечественной истории в 2000-е гг. было определенным образом унифицировано и стандартизировано, сколько акценты и смыслы, события, личности и символы, которые «держатели времени» выдвинули на первый план для легитимации собственного политического режима, так как, согласно Д. Г. Горину, логика такой легитимации следующая: «Для постсоветской России характерно обретение “связи времен” путем обращения к ностальгическим образам. Окружая себя символами прошлого, новая политическая элита пытается обосновать наличие собственного места на “ленте” исторического времени. ... настоящее время утрачивает самостоятельный смысл: оно либо приносится в жертву идеальному будущему, либо вытесняется повторяющимися стереотипами прошлого. Вместе с тем переживание разорванности исторического времени не позволяет создать прочных связей, необходимых для конструирования эволюционного процесса. ... [Более того], выбор удобных контекстов прошлого всегда произволен, и болезненные периоды истории с легкостью вытеснялись из исторического сознания»²⁹.

Подтверждая выводы Е.М. Левинтовой и Дж. Баттерфилда, Д. Г. Горин отмечает, что «в настоящее время из публичного дискурса вытесняется память о перестройке и первом постсоветском десятилетии. Травматичность этих периодов способствует обозначению их как “случайных”, выпадающих из исторической эволюции»³⁰.

Л. Гудков, анализируя данные комплексного социологического исследования исторической памяти россиян, также пришёл к выводу, что «аморфность исторических представлений россиян может объясняться не только слабостью символической структуры истории (тем, что общество в принципе не является “хозяйном времени”), но и тем, что мы сталкиваемся с разрывами в самой структуре истории, т. е. идущей сменой хозяев, держателей истории, не законченной к сегодняшнему дню, усиливающейся конкуренцией за право истолкования прошлого»³¹.

Поскольку в качестве ресурса или компенсации на сегодняшний день является советское время как дотравматический период по сравнению с перестройкой и 1990-ми гг., «память о советском» (во всем многообразии ее риторических форм и оценочных акцентов), по мнению И. Калинина и К. Келли, «формирует определенные и при этом конкурирующие традиции, являющиеся неотъемлемой частью современного процесса социальной идентификации на постсоветском пространстве»³². Сегодня в качестве компенсации всё чаще возникают позитивные образы советского общества 1970-х гг.³³

Кроме того, Л. Гудков, как и другие исследователи, отмечает, что «организованной структурой событий прошлого обладают лишь формальные государственные репродуктивные институты (прежде всего – массового среднего образования, затем – пропаганды), адаптирующие доминантную схему “истории великой державы” к актуальным интересам политики и удержания власти действующей группировкой. Базовая конструкция истории в этом плане представляет собой легенду власти, предназначенную главным образом для легитимации господства и поддержания опорных консервативных институтов, блокирующих потенциал структурно-функциональной дифференциации общества. ... В массовом сознании “упаковка” прошлого подчинена стратегии пассивной и вынужденной адаптации к репрессивному государству и внешним переменам»³⁴.

Описанные сюжеты также говорят о чрезвычайной противоречивости между декларируемой со стороны властей целью на построение политической надэтнической общегражданской идентичности современного типа и продуцируемыми в массовое сознание образами-действиями консервативного националистического примордиалистского порядка, не только не укрепляющего горизонтальные связи между представителями различных этнических и религиозных групп, но нарочито противопоставляющих «великую православную Россию» как государство «великого русского народа» всем остальным народам и конфессиям страны, тем самым вместо мостов выстраивая стены.

Важным шагом на пути к формулированию новой политической идентичности и продвижению найденной формулы стали дебаты, дискуссии, круглые столы, конференции, инициированные государством и партией «Единая Россия» и проводимые с участием ведущих экспертов в данной области, политические проекты. К ним можно отнести учреждение в 2008 г. российского общественного формирования – Общероссийского союза общественных объединений (ОСОО) «Русская нация», не совсем удачный «Русский проект», в конце концов выработавший националистическую модель «русской России» и затем быстро прикрытый, и «Русская матрица. Перегрузка», подкорректировавший понятие «русская нация» в сторону надэтнического, политического характера при трактовке ключевого слова «русские» в качестве этническое большинства и «государствообразующего народа».

Функция этих дебатов, конференций и дискуссий состояла в том, чтобы продемонстрировать дискурсивную солидарность с продвигаемой идеей коллективной идентичности и подтвердить актуальность формулы «общероссийской идентичности» (как государственной, цивилизационной), целью движения было провозглашено «распространение и упрочение в обществе идеи политической и гражданской нации в России»,

то есть им была отведена роль проводника этой «доктринальной категории» государства и «партии власти». Одновременно ОСОО «Российская нация» организовал издание журнала «Вестник Российской нации», миссия которого – «быть манифестом российской нации, общенациональной дискуссионной площадкой по актуальным вопросам внутренней и внешней политики России», освещая тематику нациестроительства как специального направления гражданско-государственного действия в сфере идеологии³⁵.

Тем не менее даже в таком ракурсе деятельность государственных и партийных органов власти производится исключительно по логике субъект-объектных отношений, где организацию «гражданской инициативы» в создании российской политической нации взяли на себя федеральная власть и партия «Единая Россия», и ориентиры властного дискурса коллективной идентичности всецело обуславливаются решением актуальных политических задач, диктуются актуальными социальными и геополитическими контекстами, а общество рассматривается исключительно как объект направленного действия по формированию новой политической идентичности.

Неудивительно, что в ходе государственно-партийного продвижения понятия «российская нация», официально трактуемого как «гражданская инициатива», выстраиваются разные способы коммуникации с различными аудиториями. «Для народа» понятие коллективной идентичности трактуется эссенциалистски – как «исторической и сегодняшней реальности» в виде информационно-медийного продукта, готового к потреблению, при этом «обществу» предлагаются практики «демократии участия», управляемые имитационные дискуссии с возможностями для конкурентных высказываний, внесения декоративных поправок и уточнений в понятие «российская нация» и «рассказы о нации». «Для себя» государственная власть принимает конструктивистскую позицию с акцентом на технологиях продвижения сконструированного продукта (как его продвигать, как включать в массовое сознание), где важная роль отводится пропагандистской деятельности идеологических клубов «Единой России» и предполагается активное включение в эту работу бюрократической и интеллектуальной элиты³⁶.

Г. Зверева небезосновательно подчёркивает, что в процессе властного продвижения новой базовой установки «российская нация» она по своему идеологическому наполнению все больше начинает походить на «новую историческую общность – советский народ»³⁷.

Таким образом, вновь прослеживается несогласованность властных и части интеллектуальных элит по отношению к возобновлению функционирования *технологии «предписанной идентичности»*, которая с помощью механизма «метрификации» (не только в качестве паспортизации, но и по более широким основаниям:

этническая принадлежность, вероисповедание, социально-профессиональный статус и т. п., которые официально фиксируются во Всероссийских переписях и статистических сборниках более мелкого порядка, либо так или иначе негласно учитываются в разных субъектах Федерации) позволяет «многообразию» сделать управляемым.

Однако в условиях перехода к демократическому режиму с его ценностями уважения прав и свобод личности (свобода совести, вероисповедания, национального/этнического самоопределения и т. д.) запустить указанную технологию изначально означало бы нарушить данные ценности. Власти выбрали гибкую, но неустойчивую и непродуктивную для формирования надэтнической российской политической идентичности позицию в отношении «политики идентичности»: продуцирование примордиалистского взгляда на идентичность в широкие массы населения через учебную и научно-популярную историческую литературу, телепередачи, дебаты и даже нормативные правовые акты и иные руководящие документы, который в сочетании с (частичной) реализацией мультикультуралистской модели подогревает этноразделительные настроения среди представителей разных народов России, при нескрываемом оставлении за собой права конструировать примордиалистский дискурс для «плебса».

От такой политики выигрывают разве что ярые националисты, для которых «предписанная идентичность» – это возможность чётко очертить рамки «своей» нации. Многочисленные потомки смешанных браков и «советские люди», зачастую не владеющие языком, религией и культурными традициями своей этнической группы, оказываются маргиналами в национализирующемся с новой силой пространстве современной Российской Федерации.

Пробуксовка технологии «предписанной идентичности» из-за разнонаправленности команд «предписывания» ещё больше проявляется в значительно усилившемся с 1990-х гг. «религиозном дискурсе» и попытке властей наряду с национальными (в этническом смысле) основаниями идентичности, ставшими ключевыми в советское время, вернуться к конфессиональным основаниям иерархизации общества, бытовавшими в имперский период. В условиях декларативно заявленного курса на строительство гражданской нации и соответствующей политической идентичности это, безусловно, приводит к недопониманию среди широких слоёв разноконфессионального населения Российской Федерации и рассогласованности приоритетов современной политики.

Наиболее наглядно данное противоречие иллюстрирует политика властей по отношению к православной церкви. Построение надэтнической общности предполагает обеспеченную законом (в первую очередь Основным законом страны – Конституцией) равноудалённость любых религиозных течений и институтов от власти, светский

характер государства. Другими словами, формирование надэтнической общности предполагает, что государство не отдаёт предпочтения каким-либо субидентичностям (в том числе религиозным), утверждая только политическую (в широком смысле) и тем самым обеспечивая равенство всех граждан в их гражданском состоянии.

Тем не менее, несмотря на заявленный курс на строительство «российской нации» в духе конструктивизма – как нации-согражданства в правовом светском государстве, все практики властных и культурных элит чётко указывают на православный вектор их ориентации, на примордиалистский тезис об укоренённости православия в духе русского народа. Политика предпочтений априори препятствует построению правового государства и уж тем более гражданского общества, подчёркивая различия вместо формирования схожести и единства.

С интересующей нас точки зрения важно ответить на два вопроса: 1) почему после нескольких десятилетий угнетения с 1990-х гг. православие вновь обрело актуальность и популярность среди самых широких слоёв населения и 2) каким образом власть пытается использовать эту популярность для утверждения новой политической идентичности под названием «российская нация»?

В европейских исследованиях в области социологии религий последних лет можно выделить две значимые для ответов на поставленные вопросы концепции – концепцию «замещающей религии» (Г. Дэйви, С. Коллинз-Мэйо) и созвучную ей концепцию «гражданской религиозности». Объединяют эти концепции схожие результаты соответствующих исследований, обобщающий смысл выводов которых заключается в том, что «последствия современных политических, экономических и социальных трансформаций понижают градус неопределённости культурных и этнических идентичностей, которые все чаще и во все большей степени содержат “примеси” классических религиозностей. В свою очередь, они все в большей степени участвуют в формировании гражданских религий и религиозностей и начинают все в большей степени играть консолидирующую роль в гражданских обществах. Это проявляется в том, что люди стремятся продемонстрировать принадлежность к корневым религиозным традициям своих социумов или этических групп, причем к собственно религиозной вере это может и не иметь никакого отношения»³⁸.

Подобный феномен наблюдается в современной России. Н. Зоркая отмечает, что «массовое обращение к православию – это проявление не возрождения (утверждения религиозной системы ценностей) или формирования массовой религиозной культуры, а существенной составляющей идентичности постсоветского человека как государственного подданного, но не гражданина в политическом и современном демократическом понимании»³⁹.

Исследовательница подчёркивает, что обращение к православию уже в начале 1990-х гг. «было реакцией на распад государства, задававшего советский тип идентичности и вытеснившего или загнавшего в “политическое подполье” проблемы собственно национальной или этнической идентичности, заменившего ее идеологемами интернационализма и “дружбы народов”, и если у бывших “братских народов” распад Союза сопровождался не только подъемом эмансипационных настроений и консервативных, традиционалистских представлений, а также проблематизацией собственной национальной истории (ее реконструкцией или мифологизацией), то у бывших советских русских это ограничивалось рамками этноконфессиональной идентификации»⁴⁰.

Соответственно, делает вывод исследовательница, для подавляющего большинства русских сегодня «православие выступает как субститут или функциональная замена этнической общности, как феномен редукции сложно или многообразно устроенных прежних идентификационных взаимосвязей и структур к более простым и архаичным»⁴¹.

В сочетании с упоминавшейся выше общей редукцией представлений о власти как со стороны элит, так и простых граждан, уже в конце 1990-х – начале 2000-х гг., с приходом к власти В. В. Путина и началом построения авторитарного государства, обозначилась тенденция привлечения символического авторитета церкви для легитимации собственной власти, поскольку «православная церковь начала выступать для постсоветского человека как институт, символически репрезентирующий утраченное государственное и “национальное” целое – советский народ, в том числе в его историческом измерении... а православная этноконфессиональная идентификация всё большего числа российских граждан окончательно приобретает черты государственной принадлежности, становится своего рода субститутутом гражданства... замещением прежней государственной атеистической идеологии»⁴².

При этом весьма показательно, что, как отмечает Н. Зоркая, сегодня доля православных в российском обществе почти равна доле русских в населении и доле тех, кто поддерживает утвердившийся в стране политический режим, но при этом рост православной идентификации в обществе не сопровождается ростом религиозной веры: лишь одна десятая называющих себя «православными» (73%) посещают церковные службы хотя бы раз в месяц. Половина называющих себя сегодня православными бывают на службах крайне редко или вообще никогда. По данным за 2009 г., причащался «хотя бы один-два раза в год ... только каждый десятый православный», что согласно принятому представлению о «признаках» воцерковленности православного, когда причащавшийся реже, чем раз в год, считался «отпавшим от церкви», говорит о том, что сегодня 81% называющих себя

православными существуют вне церкви, вообще не связывают свое «православие» с церковью⁴³.

В российских реалиях очень ярко проявляется симбиоз «замещающей религии» и «гражданской религиозности», когда служители церкви и 2–3% истинно верующих и воцерковлённых выполняют своеобразную социальную роль «веры за других» и соответствующие замещающие практики: церковь и церковные лидеры исполняют ритуалы от имени других лиц; церковные лидеры и активные христиане верят в пользу (от имени) других; церковные лидеры и активные христиане воплощают нравственные нормы во благо (от имени) других лиц; церкви предлагают места для «замещающего» обсуждения нерешенных социальных проблем (например, гомосексуализма, эвтаназии, клонирования и проч.)⁴⁴.

Подобное «замещающее» и высокое «гражданское» звучание православия для русского населения, как мы видим из представленных данных, ложно принимается государством за высокий политический авторитет и роль в жизни общества института церкви. И вовсе не учитывается выявленная немецким социологом Р. Норри закономерность: «Чем более независима от государства позиция церкви (как религиозного института), тем в меньшей степени она оказывает влияние на религиозные убеждения и религиозную практику. Причем отсутствие предпочтений по отношению к определенной религии способствует развитию “менее самодовольных”, но более жизненно важных для общества религий»⁴⁵.

Исходя из этого, деятельность власти по политизации церкви в её, власти, интересах и привлечение символического капитала церкви к легитимации существующего режима – то есть сокращение дистанции между церковью и государством, вполне очевидно говорит не о желании способствовать действительному духовному православному возрождению русского населения и даже не о принесении пользы самой церкви⁴⁶, а о сиоминутных и эгоистических интересах политических элит, её тактических целях. Помимо уже указанных выше негативных последствий, в стратегическом плане это приводит к ослаблению позиций РПЦ в обществе на фоне более дистанцированных от политики и власти, следовательно, «более жизненно важных для общества» религий.

Таким образом, с технологической точки зрения мы можем констатировать, что на стыке технологий «направленной социализации» и «предписанной идентичности» государство пытается использовать в качестве одного из важнейших инструментов формирования политической российской идентичности институт церкви, вкладывая значительные ресурсы не только в улучшение «материально-технического» состояния данного «инструмента» (реставрация и строительство церквей, выделение в качестве пожертвований значительных денежных средств, предоставление эфира на государственных кана-

лах, обеспечение новых дисциплин, касающихся основ православия, полным учебно-методическим комплексом и т. д.), но и в «обслуживающий персонал» (оплачиваемые за счёт бюджета курсы повышения квалификации для школьных учителей, выделение фонда оплаты труда на преподавание новой дисциплины – «Основы православия» – в вузах, подготовка соответствующих методических кадров и т. д.).

Поскольку вложенные в конструирование «машин» под названием «политическая идентичность» ресурсы со временем могут обрести собственные источники воспроизводства, гипотетическая проекция существующих этноконфессиональных смыслов бренда «православие» в будущее позволяет нам сделать вывод, что скорее всего это приведёт к активизации и поощрению русского национализма в этническом смысле, а очерчивание декларируемого проекта общегражданской надэтнической политической «российской нации» как нации всех народов и религий, живущих в России, православными границами породит встречный всплеск этнического и религиозного национализма.

Власти не должны забывать, что, несмотря на монополизацию всей субъектной сферы деятельности процесса социализации (в т.ч. политической социализации) и отношение к обществу в целом и отдельному человеку в частности как к пассивному объекту направленной деятельности, социализация не перестаёт характеризоваться как «процесс обоюдоострый, активный с обеих сторон: и обучаемой, и наставляющей, – которые подвержены взаимному влиянию... Любой общественный запрет или правило усваиваются и воплощаются на практике конкретным, не похожим на всех остальных, человеком. Ролевая униформа, выданная ему обществом в соответствии с исполняемыми задачами, статусом и рассчитанная на некоторую идеальную, типовую фигуру, все равно приобретает формы и пропорции ее владельца»⁴⁷.

Соответственно, для успешности формирования новой политической идентичности воздействовать надо не только на коллективный уровень идентичности, но и на индивидуальный/групповой, иницируя точечные горизонтальные связи между представителями различных групп (этнических, религиозных, языковых и пр.), в результате которых постепенно, «снизу» и будут формироваться элементы искомой «надэтнической» общности, в той особенной оболочке, которая характерна для каждой отдельной местности.

Кроме того, необходимо не только выстраивать однонаправленные отношения сверху вниз «власть – общество», обезличивая общество до «аморфной массы», но и поощрять обратную связь, диалог между властью и обществом (как на общегосударственном, так и на региональном и локальном уровнях) для проведения своевременной коррекции используемых технологий, запускаемых механизмов и вкладываемых ресурсов.

На данный момент можно констатировать, что поиски оптимальной модели «внутренней геополитики» современными правящими российскими элитами характеризуются:

высокой степенью противоречивости и непоследовательности;

фрагментарностью (отсутствием комплексности) в использовании технологий формирования политической идентичности;

нацеленностью на решение собственных актуальных политических задач, а не на перспективу выстраивания консенсусного правового, административного, культурного и т. п. поля взаимодействия граждан Российской Федерации разного этнического происхождения;

невыработанностью единой стратегии оснований «политики идентичности» (примордиализм – конструктивизм).

Всё это приводит к активизации не консолидирующих, а дифференцирующих процессов и затрудняет формирование российской надэтнической политической идентичности.

Впрочем, как показывают политическая теория и историческая практика, формирование политической идентичности – это долгий процесс, должный последовательно охватить не менее трёх сменяющих друг друга и накладывающихся друг на друга поколений⁴⁸, чтобы обрести некую «осязаемость» и собственную ресурсность, как это было в Советском Союзе.

Желание «получить всё и сразу», нетерпеливость властных и интеллектуальных элит, побуждающих такую же нетерпеливость в широких слоях населения, способствуют только противоречивости и непоследовательности в реализации технологий формирования российской политической идентичности, в силу этого – неудовлетворённости текущими результатами и эффектами, производимыми государственной «политикой идентичности».

Примечания

- ¹ Авторскую трактовку технологий формирования политической идентичности см.: *Зевако Ю. В.* Государственное строительство и политизация этничности в России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2011. Т. 11. Сер. Социология. Политология, вып. 2. С. 102–105; *Он же.* Технологии конструирования политической идентичности в полиэтничной среде Российской империи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2012. Т. 12. Сер. Социология. Политология, вып. 1. С. 116–120.
- ² См.: *Зевако Ю. В.* Ресурс «советскости» в контексте формирования политической идентичности в государствах постсоветского пространства // Политические проблемы современного общества : сб. науч. ст. Саратов, 2012. Вып. 17. С. 58–77.
- ³ См.: *Кустарев А.* Реорганизация советского пространства // Неприкосновенный запас. 2011. № 6(80). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/k1-pr.html> (дата обращения : 25.06.2012).

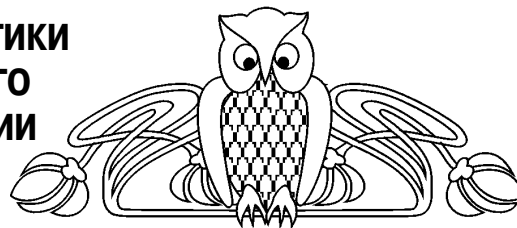
- ⁴ *Зверева Г.* Как «нас» теперь называть? Формулы коллективной самоидентификации в современной России // Вестн. общественного мнения. 2009. № 1 (99). С. 72.
- ⁵ *Гудков Л.* Время и история в сознании россиян (часть II) // Вестн. общественного мнения. 2010. № 2(104). С. 13–14.
- ⁶ См.: *Качанов Ю. Л.* Опыты о поле политики. М., 1994. С. 115–116.
- ⁷ См.: *Колочарова Е.* Политическая идентичность в социологическом измерении // Вестн. общественного мнения. 2010. № 1. С. 49–50.
- ⁸ *Даровских О. В.* Феномен этнического самосознания молодёжи // Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня : хрестоматия / сост. К. В. Сельченко. Минск, 2004. С. 23.
- ⁹ Там же. С. 452–453.
- ¹⁰ См.: *Руткаускайте М. В.* Формирование политической идентичности молодежи посредством направленной политической социализации // Вестн. Перм. гос. ун-та. Сер. Политология. 2011. № 3(15). С. 19–28.
- ¹¹ Там же. С. 19–20.
- ¹² См.: *Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М., 2004.
- ¹³ *Люббе Г.* Историческая идентичность // Вопр. философии. 1994. № 4. С. 113.
- ¹⁴ См.: *Левинтова Е. М., Баттерфилд Дж.* Как формируется история и отношение к ней : школьные учебники о новейшей Отечественной истории // Вестн. общественного мнения. 2009. № 3 (101). С. 104–105.
- ¹⁵ См.: *Зверева Г.* Как «нас» теперь называть?... С. 72–85.
- ¹⁶ *Гудков Л.* Время и история в сознании россиян (часть I) // Вестн. общественного мнения. 2009. № 3 (101). С. 90.
- ¹⁷ «Социальное время – порядок, последовательность социальных действий индивида, ожидаемая или предполагаемая частота повторения взаимодействий индивида с другими акторами, чья принадлежность к определенным социальным группам или к социальным институтам оказывается значимой для самой этой последовательности действий», то есть время реальности, время повседневных действий и обыденности (*Гудков Л.* Время и история в сознании россиян (часть I). С. 84).
- ¹⁸ Там же. С. 90–91.
- ¹⁹ *Горин Д. Г.* По ту сторону «принципа истории» : об одной особенности исторического самосознания // Неприкосновенный запас. 2009. № 6(68). URL: <http://magazine/russ.ru/nz/2009/6/go13/html> (дата обращения: 17.10.2012).
- ²⁰ *Зверева Г.* Конструирование культурной памяти : «наше прошлое» в учебниках российской истории // Новое лит. обозрение. 2005. № 74. URL: <http://magazine/russ.ru/nlo/2005/74/vz6/html> (дата обращения: 25.05.2012).
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ См.: *Левинтова Е. М., Баттерфилд Дж.* Указ соч. С. 103–115.

- ²⁶ Левинтова Е. М., Баттерфилд Дж. Указ соч. С. 106.
²⁷ Там же. С. 113–114.
²⁸ Там же. С. 115.
²⁹ Горин Д. Г. Указ. соч.
³⁰ Там же.
³¹ Гудков Л. Время и история в сознании россиян (часть I). С. 99
³² Калнин И., Келли К. Советская память / память о советском // Неприкосновенный запас. 2009. № 2 (64). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/pa1-pr.html> (дата обращения: 25.05.2012).
³³ См. журнал «Неприкосновенный запас» № 2 (52) за 2007 г. под общей темой «Длинные 1970-е : советское общество в 1968–1982 годы» и № 2(64) за 2009 г. под общей темой «Советское прошлое : между политикой памяти и реальной политикой».
³⁴ Гудков Л. Время и история в сознании россиян (часть II). С. 61.
³⁵ См.: Зверева Г. Как «нас» теперь называть?... С. 75–81.
³⁶ Там же. С. 84–85.
³⁷ Там же. С. 72.
³⁸ Каргина И. Г. Новые религиозности : социологические рефлексии // Вестн. МГИМО(У). 2012. № 2. С. 190.
³⁹ Зоркая Н. Православие в безрелигиозном обществе // Вестн. общественного мнения. 2009. № 2 (100). С. 65.
⁴⁰ Там же. С. 68.
⁴¹ Там же.
⁴² Там же. С. 69.
⁴³ Там же. С. 69–79.
⁴⁴ См.: Каргина И. Г. Указ. соч. С. 190.
⁴⁵ Цит. по: Там же.
⁴⁶ Н. Зоркая отмечает, что «большинство опрошенных в 2008 г. (63%) хотели бы жить в стране, где отношение к религии является «личным делом каждого и религия не оказывает влияния на политику», а не в государстве, в котором «религия играет важную роль в политике» (Зоркая Н. Указ. соч. С. 81).
⁴⁷ Кравченко Е. И. Теория социального действия : от Макса Вебера к феноменологам // Социол. журнал. 2001. № 3. С. 121.
⁴⁸ См.: Костина А. В., Гудима Т. М. Культурная политика современной России : Соотношение этнического и национального. М., 2010. С. 95–105.

УДК 32.01

РОСТ СОЦИАЛЬНЫХ ОЖИДАНИЙ ОТ ПОЛИТИКИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМНОГО И СИТУАЦИОННОГО УРОВНЕЙ ПОЛИТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

М. В. Данилов

Саратовский государственный университет
E-mail: super9999@yandex.ru

Статья посвящена исследованию характеристик массового сознания в различных моделях политизации общественных отношений. Автор показывает ограниченность понимания политизации массового сознания – только как следствия социальной нестабильности. В работе раскрывается понятие «ситуационный уровень политизации общественных отношений», на котором рост социальных ожиданий от политики представляется результатом применения политических технологий.

Ключевые слова: политизация, массовое сознание.

Growth Social Expectations of Policy as a Basis for Forming System and Situational Politicization of Public Relations

M. V. Danilov

The article studies the characteristics of the mass consciousness in the various models of politicization of public relations. The author shows limited understanding of the politicization of the mass consciousness only as a consequence of social instability. The notion of a situational level of politicization of social relations in which the growth of social expectations of the policy is the result of political technologies.

Key words: politicization, mass consciousness.

Политическое развитие общества – это, прежде всего, расширение границ политики, выведение ее сначала за рамки государственных, а затем классовых интересов. Уровень модернизированности существующих ныне социумов мы чаще всего оцениваем по степени открытости, прозрачности границ между социальными подсистемами. Связь политического с неполитическим существует в сознании индивида и проявляется в виде политизации индивидуального и массового сознания. В нашей стране интерес к проблемам политизации массового сознания пробудился в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Это было эпохой массового политического романтизма. Граждане почувствовали, что отчужденность от реальной власти, от участия в выработке государственных решений может быть преодолена в исторически сжатые сроки. Интенсивность социальных, экономических и политических преобразований заставляла практически все население страны становиться участниками происходящих событий, трансформируя не только модели поведения, выработанные за годы советской власти, но и меняя характеристики политического мышления.